

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 800 с. ISBN 5-7281-0343-X

Настоящая книга представляет собой первый опыт описания новейших теорий и научных направлений в области общего синтаксиса, и прежде всего тех теорий и моделей, которые на предыдущих этапах по разным (чаще всего идеологическим) причинам в СССР не разрабатывались. Таким образом, можно сказать, что Я. Г. Тестелец, известный синтаксист и типолог, является первым лингвистом, своего рода “первопроходцем”, который предлагает первое изданное в России и на русском языке пособие для студентов и аспирантов¹, специализирующихся в области лингвистики вообще

и в теории синтаксиса и грамматики в особенности. Заслуга автора состоит не только в том, что русскому читателю теперь доступны самые новые направления современной теории синтаксиса, но и в том, что Тестелец очень конкретно и наглядно иллюстрирует каждую вводимую им категорию на материале языков разных типов и разной генетической принадлежности. Тем самым, книга может служить и введением в курс общего синтаксиса, и типологическим обзором большого количества разнообразных синтаксических явлений в языках мира. Все иноязычные примеры снабжены переводом на русский язык и поморфемным глоссированием, в соответствии с международным стандартом публикаций по общему языкознанию, типологии и теории языка.

Объемная книга Тестельца состоит из введения, двух больших частей, заключения, библиографии, предметного указателя и списка сокращений. Библиография к книге является достаточно обширной, хотя и она не включает всего того, что отражает так называемый “state of the art”.

Можно отметить пропуски некоторых важных и, более того, совершенно необходимых, с нашей точки зрения, работ. Начнем с Хомского и с его теории минимализма – в книге не учитываются такие работы новейшего этапа порождающей грамматики, как например [Chomsky 1999; 2001]. Кроме того, автор сознательно или ненамеренно игнорирует ряд важных статей и монографий Хомского, касающихся отдельных аспектов теоретической концепции минимализма [Chomsky 1995] и теории управления и связывания [Chomsky 1981; 1986a; 1986b]. В книге не освещаются, к сожалению, и те теории и работы последнего десятилетия, которые особенно важны для понимания основных модификаций “теории принципов и параметров” (т.е. минималистской программы по [Chomsky

¹ Как представляется, предлагаемая книга является “первым опытом учебного пособия по общему синтаксису на русском языке” вообще, ср. рецензию на эту монографию М. Гиро-Вебер [Guiraud-Weber 2003]. Можно, впрочем, назвать некоторые аналоги этой книги (преимущественно, пособия по *порождающей грамматике*), которые были опубликованы до работы Тестельца. Так, из пособий по порождающей грамматике для аспирантов вузов одним из самых лучших и наиболее ясно написанных с точки зрения методики и дидактики является книга для словенских синтаксистов, славистов и англистов М. Голден [Golden 2000]. Наиболее сложной в таких работах оказывается, по-видимому, проблема точной передачи англоязычной синтаксической терминологии. Так, хорошо известно, что, например, англ. *subject* нельзя просто перевести на русский как *субъект* (см. подробнее указанную рецензию М. Гиро-Вебер) и т.п. С подобными терминологическими проблемами встречался и автор настоящей рецензии при разработке чешской терминологии порождающего синтаксиса в связи с проектом “Энциклопедического словаря чешского языка” (ср. [Kosta, Veselovská 2002]).

1995]). Назовем лишь некоторые монографии, заслуживающие, на наш взгляд, внимания в этом отношении [Błaszczak 2001; Bošković 1997; Diesing 1996; Kitahara 1997; Williams 1994; Zubizarreta 1998; Di Sciullo (ed.) 1996; Haegeman (ed.) 1997]. Конечно, этот наш список во многом условный и произвольный – следует все-таки иметь в виду, что в библиографии к книге Тестельца представлено около 400 русскоязычных и более 500 иноязычных (в основном, английских и немецких) названий. Вместе с тем, наш список свидетельствует о том, что подбор литературы к одному из самых важных теоретических разделов работы (см. глава XII: *Теория принципов и параметров*, с. 554–613) не свободен от критики. Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что книга такого объема и замысла заведомо не может удовлетворить все желания и не может выполнить задачу подбора исчерпывающей и полной библиографии на обсуждаемую тему. Поэтому мы меньше всего хотели бы упрекать автора (хорошо знающего современную синтаксическую проблематику и активно участвовавшего в международных конференциях по формальному описанию славянских языков) в недостатке эрудиции. Но, с другой стороны, нам кажется, что уровень этого пособия настолько высокий, что при учете дополнительной литературы книга вполне могла бы претендовать уже и на роль справочника по современному синтаксису.

Очень ценным с дидактической точки зрения является то, что в конце каждой главы автором делаются выводы и формулируются оценки и перспективы, касающиеся соотношения обсуждаемых понятий, теорий, методов и эмпирического материала анализируемых языков. Кроме того, в конце каждой главы дается список рекомендуемой литературы с краткими комментариями автора. Для большей наглядности в текст включены деревья, графы, схемы и таблицы, причем этот иллюстративный материал никогда не является самоцелью. Сказанное касается и упражнений, помещаемых, время от времени, в конце определенных разделов в форме лингвистических задач и конкретных вопросов.

Кратко коснемся структуры пособия. Его первая часть посвящена синтаксическим категориям и явлениям. В обширном *введении* определяется предмет исследования, а именно *синтаксис* (с. 19–58): это, по дефиниции автора, “...наука о строении словосочетания и предложения...”, имеющая “две основные задачи: описательную и объяснительную (теоретическую)” (с. 22). Проблематичность этого определения вытекает из того, что термины “описательный (дескриптивный)” и “объясни-

тельный (экспланаторный)” уже заняты теорией порождающей грамматики Хомского, где различаются “три критерия оценки описания грамматической модели” с возрастающей степенью адекватности, а именно: (а) “адекватность на уровне наблюдения” лингвистических фактов (*observational adequacy*)², (б) “адекватность на уровне описания” (*descriptive adequacy*)³ и (в) “адекватность на уровне объяснения” (*explanatory adequacy*)⁴ [Chomsky 1965: 24, 26]. Поэтому мы предлагаем принять более строгую дефиницию Хомского, исходя из того, что если “*синтаксическое описание*” состоит из множества правил и способа порождения синтаксической структуры на основе ЛЕКСИКОНА, которые характеризуют синтаксический компонент знания грамматики/синтаксиса *П/С/И* *какого-то языка* (например, русского), то задача *синтаксического объяснения* состоит в том, чтобы понять характер, строй и пути усвоения этого синтаксического/грамматического “знания” *Универсальной грамматики* (УГ) ребенком в относительно краткий период (от 0,1 до 3,5 лет) и на основе относительно ограниченного “инпута”, независимо от различий и сходств синтаксических структур в конкретных языках (ср. также [Kosta 1992: 169–179]). Нам кажется, что именно этот вид “объяснения” автор имел в виду, когда писал: “Задача о б ъ я с н е н и я при ис-

² “A grammar that aims for observational adequacy is concerned merely to give an account of the primary data that is the input to the learning device” [Chomsky 1964: 24].

³ Грамматика дескриптивно адекватна «...to the extent that it correctly describes the intrinsic competence of the idealized native speaker. The structural descriptions assigned to sentences by the grammar, the distinctions that it makes between well-formed and deviant, etc., must, for descriptive adequacy, correspond to the linguistic intuition of the native speaker (whether or not he may be immediately aware of this) in a significant and substantial class or crucial cases. A linguistic theory must contain a definition of “grammar”, that is a specification of the class of potential grammars. We may, correspondingly, say that a linguistic theory is descriptively adequate if it makes a descriptively adequate grammar available for each natural language» [Chomsky 1965: 24].

⁴ Грамматика Г1 как модель лингвистической компетенции *объяснительно* адекватна, если она в состоянии “...to provide a principled basis, independent of any particular language, for the selection of the descriptively adequate grammar of each language” [Chomsky 1964: 24].

следовании синтаксиса, как и вообще в науке, заключается в том, чтобы понять, почему наблюдаемые факты именно таковы, какие они есть. Это означает, в частности, ответ на вопрос, почему синтаксические структуры в различных языках, в том числе не связанных ни родством, ни географической близостью, обнаруживают многочисленные (и нередко поразительные) сходства. Описание имеет дело с каким-то языком, объяснение (теория) – с Языком вообще” (с. 22–23).

В главе I автор описывает *слово* и *предложение* и *структуру зависимостей* (с. 61–106). В этом разделе автор постепенно знакомит читателя с проблемой зависимостей и их представления. Он пытается достичь цели синтаксического анализа зависимостей составляющих различных предложений (в том числе и связанного текста), апеллируя вначале к чистой интуиции носителей языка, а впоследствии используя “более надежные” аналитические критерии (с. 65 и сл.). Выражения на “метаязыке”, который будет в состоянии описать синтаксические отношения между словоформами в предложении, должны обладать следующими свойствами: «они должны быть а) связными, т.е. неразрывными; б) иерархическими, т.е. показывать, что одни слова в предложении “главнее” других; в) основываться на множестве бинарных отношений (т.е. таких отношений, которые определяют-ся на множестве пар)» (с. 68). При этом, автор исходит из предположения, что синтаксическую структуру цепочки следует анализировать на основе двух компонентов: 1) множества словоформ, содержащихся в цепочке, и 2) множества *n*-арных синтаксических отношений, определенных на множестве словоформ. Тем самым, оказывается, что, с одной стороны, автор принимает бинарную концепцию составляющих, представленную в [Chomsky 1981; Jackendoff 1977; Kayne 1994], поскольку он говорит о том, “что синтаксические связи между словоформами оказываются возможным охарактеризовать с помощью одних только *b* и *n* а р н ы х (= связывающих ровно два элемента) отношений” (с. 71, выделено автором). Но, с другой стороны, Тестелец пользуется графическими средствами других, более известных в русской формальной традиции моделей [Гладкий 1985], в том числе знаком стрелки (→). Интересно, что критериями зависимости служат не только те, которые можно найти в одной определенной синтаксической теории (например, в порождающей грамматике), но и другие, более разнородные, как например “грамматическая связанность” (с. 76), “линейный порядок” (с. 77), “фонетическая слитность” (?) (с. 77), “эндо-

центричность” (с. 79–84), “морфосинтаксический локус” (с. 84–86) и прочие (например, опущение, с. 86–88). Самым важным, но не везде используемым предположением автора является синтаксический статус глагола как вершины предложения⁵.

В главе II (с. 107–155) Тестелец занимается *структурой составляющих* и *фразовыми правилами*. На наш взгляд, автор очень тонко, четко и в целом убедительно показывает, что “структуры составляющих имеют ряд преимуществ перед структурами зависимостей” (с. 107 и сл., в особенности с. 145–155). К этому можно добавить, что в аспекте объяснительной адекватности (т.е. усвоения фразовых правил УГ, см. ниже) фразовые модели также оказываются сильнее моделей зависимостей.

Далее в книге описывается *валентность слова* (глава III, с. 156–228). В п. I вводятся понятия синтаксической и семантической сочетаемости языковых единиц, исходя из уже упомянутой модели зависимостей Л. Теньера. Не совсем случайно то, что эта теория проверяется прежде всего на богатом материале русского языка – вклад Московской семантической школы (Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский и др.) здесь чрезвычайно весом и плодотворен. Автор, в частности, объясняет разли-

⁵ Н. Хомский и его сторонники в принципе исходят, в традиции Аристотеля, из синтаксического “равноправия” именной (NP) и глагольной (VP) групп. Концепция глагольной вершины принимается впервые в грамматике зависимостей Л. Теньера [Tesièrre 1959] и в ее различных вариантах (например, в пражской функционально-генеративной грамматике, ср. [Sgall, Panevová, Hajičová 1986]). В грамматике зависимостей синтаксическое отношение неравноправно: из двух словоформ *X* и *Y* одна в каком-то смысле определяет другую, значит одна словоформа является вершиной (или управляющей категорией), а другая словоформа зависимой (или управляемой). Этот принцип зависимости существует также во фразовых моделях порождающей грамматики Хомского, но лишь в строго определенных конфигурациях, и касается не только терминальных (в том числе лексических либо функциональных), но именно фразовых категорий: фразовая проекция глагольной вершины управляет именной группой прямого объекта, если и только если первая доминирует (“категориально *S*-командует”) по отношению к второй. Этим и подобным “сходствам” отдельных моделей автор, к сожалению, не уделяет внимания.

цу между актантами и сирконстантами, вводит понятие расщепления валентностей,работанное Ю.Д. Апресяном, понятие (семантической) валентности “партиципанта” (с. 158), обращая внимание на то, что далеко не всякий параметр ситуации, обозначаемой предикатным словом, следует рассматривать как его “семантическую валентность” (ср. “тест диалога” чешского лингвиста Я. Паневоу, приведенный автором на с. 171).

В п. 3 обсуждается проблема обязательности, факультативности и нереализуемости выражения семантических и синтаксических валентностей. Особый вид зависимых представляют “адъекты” – к ним относятся в основном обстоятельства места и времени (п. 5, с. 187–189). Глава завершается перечнем “основных семантических ролей”, причем некоторые из них не совпадают с понятиями, предложенными в теории “тематических ролей”⁶.

Известным в теории русского синтаксиса является понятие “предикативности”, которым определяется *предложение и клауза* в главе IV (с. 229–268). Автор постепенно развивает свои представления о различии между непредикативными синтаксическими единицами, “предложением” как носителем признака предикативности, сравнивая и в дальнейшем проникательно рассматривая разные концепты этого или сходных терминов в русской грамматической традиции, например, у Пешковского, Гака и Звегинцева. Парадигма “предложения” исследуется при учете предикативных категорий модальности, наклонения, времени, и категории предикативного согласования⁷. В высшей степени оправданно то, что автор включает в рассмотрение не только русский, но и другие, в том числе и неиндоевропейские, языки (например, грузинский), где эти категории выражаются и

функционируют по-разному. Под термином “клауза”, вводимым автором в русскую синтаксическую традицию (с. 255–265), подразумевается “любая группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола – связка или грамматический элемент, играющий роль связки”. Это определение точно соответствует английскому термину “clause”⁸.

Следующий раздел озаглавлен «Синтаксические “невидимки”». Речь идет здесь о *пустых категориях* (глава V, с. 269–316). Автор приводит аргументы в пользу предположения – оправданного не только с теоретической, но и с практической-эмпирической точки зрения – о существовании пустых (нулевых) категорий, которые детально описаны и в ряде других современных работ⁹.

Не останавливаясь специально на этом разделе работы, заметим только, что хотя предложенный автором анализ в целом достаточно адекватен, он не выходит за пределы того, что было предложено более десяти лет тому назад в отношении всех четырех пустых категорий (*pro*, *PRO*, переменных и NP-следов/traces = *t*)¹⁰. Анализ “маленького” *pro* в определенных предложениях и “большого” *PRO* в инфинитивных (контрольных) предложениях основывается в принципе на теории “управления и связывания” [Chomsky 1981], однако наряду с “аргументным” подлежащим – как в примере (1) [*Петр, думает, что [pro_i не сможет [PRO_i пригласить всех своих, студентов в гости]]*] – следовало бы дать анализ и нулевого дополнения (*pro*), впервые полно описанного в работах Рицци для итальянского [Rizzi 1986], а нами для русского [Kosta 1992, гл. 5: 531–587]. Имеются в виду примеры, хорошо засвидетельствованные в русском литературном и в других славянских языках, типа (2а) *Ты уже по-настоящему любил – (кого-нибудь / pro)?* и нулевых объектов с неопределенной (произвольной = *arb*) референцией

⁶ В рамках этой последней семантическую роль “стимул” при глаголах чувственного восприятия следовало бы соединить с тематической ролью “экспериенцера”, поскольку единственным различием между ними является семантический признак “чувственный” и “чувство”. Наоборот, следовало бы сделать различие между “пациентом” как партиципантом одушевленным и “темой” как партиципантом неодушевленным, чтобы объяснить синтаксически существенное различие так называемых “неаккузативных” и пассивных конструкций в языках разных типов (ср. подробнее [Kosta, Frasek 2004 (в печати); Kosta 2004]).

⁷ Ср. подробный анализ признака предикативности русского предложения также в [Gladrow, Kosta 1999].

⁸ В английской традиции термин “clause” не совпадает с термином “phrase”, а имеет значение “частичное предложение” = “Teilsatz”, ср., например [Bußmann 1990: 150, 585].

⁹ Не все из которых автору, возможно, известны (см. подробнее [Kosta 1992; 1997а; 1997б]).

¹⁰ См. предыдущую сноску; укажем также работы [Růžička 1986; 1987; Müller, Rohrbacher 1989; Pesetsky 1981/1982], которые в книге Тестельца либо вообще не учитываются, либо упоминаются очень бегло. Краткий обзор пустых категорий можно найти также в словаре [Karlík et al. 2002: 212, 285, 484, 486 и особенно 490–491].

типа: (2б) *Петр всегда предупреждает про_{arb} об этом виде ошибок*, (2в) *Хорошая погода приглашает про_{arb} остаться*, (2г) *Хорошая музыка примиряет про_{arb} с (самим) собой*, (2д) *Это приводит про_{arb} к следующему выводу*.

Мы не претендуем на то, чтобы дать исчерпывающий и всесторонний обзор рецензируемой книги. Она слишком богата с точки зрения языкового материала и эмпирических данных, анализ которых выходит далеко за пределы языковой компетенции рецензента (особенно в отношении неиндоевропейских языков). В эмпирической части монографии автор останавливается, помимо прочих, на следующих темах: *подлежащее* (глава VI, с. 317–359), *способы выражения синтаксических отношений* (глава VII, с. 360–410), *диатеза, залог, актантная деривация* (глава VIII, с. 411–436) и *коммуникативные категории* (глава IX, с. 437–468).

Уже сам этот перечень свидетельствует о том, что автор пытается дать как можно более полный обзор основных синтаксических явлений, но он же подтверждает и то, что автор не претендует на построение единообразной модели в рамках лишь одного лингвистического направления, используя обширный диапазон школ, моделей и теоретических парадигм, российских, европейских и американских.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что перед нами самый первый опыт подлинно научного описания синтаксиса для начинающих – с разных позиций и на почве различных, чаще всего конкурирующих друг с другом синтаксических направлений мировой теоретической лингвистики. Этот подход заставляет говорить о подлинной новизне книги в России, заметно отличающей ее, на наш взгляд, от других существующих на русском языке монографий.

Сказанное подтверждается в особенности теми разделами второй части пособия (с. 469–750), в которых анализируются как разные этапы “*Порождающей грамматики*” Н. Хомского (глава XI–XIII)¹¹, так и “*Категориаль-*

ная грамматика” (глава XIV, автор К.И. Казенин). Следует добавить, что автор претендует на исчерпывающее описание далеко не всех более или менее “формальных грамматик”. И это последовательное методическое ограничение не только понятно, но и целесообразно, поскольку оно отвечает задачам всякого учебного пособия, которое должно сосредоточиться на самых важных и самых влиятельных школах и направлениях современной синтаксической теории¹².

В относительно краткой главе XV (с. 693–721) о “*Функциональной синтаксической типологии*” особый интерес представляют две теории, а именно: 1) объяснительная типология А.Е. Кибрика (с. 694–700) и 2) теория порядка составляющих Дж. Хокинса (с. 700–711), последняя из которых служит основой для объяснения фактов грамматикализации так называемых “хороших” порядков (с. 711–713).

Наконец, автор предлагает критический анализ хорошо известной в России (а сегодня уже и в мире) синтаксическо-семантической модели языка “Смысл ⇔ Текст” И.А. Мельчука и А.К. Жолковского.

Не будем оценивать, в какой мере информация, сообщаемая в теоретических разделах книги, может способствовать удачному решению многочисленных эмпирических и дескриптивных проблем¹³. Для читателя и без того очевидно, что перед ним серьезный опыт описания синтаксиса и теории языка на самом высоком теоретическом и методологическом уровне. Рецензируемая книга ставит (а подчас

¹¹ В том числе: *стандартная теория* [Chomsky 1965], *расширенная стандартная теория*, *исправленная стандартная теория* (работы Н. Хомского 1970–1980), *теория управления и связывания и теория барьеров* [Chomsky 1981; 1982; 1986a; 1986b; 1991] и, наконец, *минималистская теория*, включающая также в себя *теорию проверки признаков* [Chomsky 1993; 1994; 1995]. В шестом разделе главы XIII приведены главные принципы выбора из нескольких возможных дериваций *теории оптимальности* [Prince, Smolensky 1993], своеобразной разработки лингвистов, фонологов и синтаксистов университета Нью-Джерси.

¹² Тем самым, в пособие не включены ни теория лексической функциональной грамматики Джоан Брезнан [Bresnan 1982; Kaplan, Maxwell 1988], ни теория обобщенной фразовой структуры составляющих GPSG [Gazdar, Pullum 1981; 1982; Gazdar et al. 1985], ни теория вершины фразовой структуры составляющих HPSG [Pollard, Sag 1988], ни реляционная грамматика и другие, менее влиятельные попытки формального описания синтаксиса – уже не говоря о теориях, пользующихся синтаксисом лишь как служебным уровнем описания, как например, формальная семантика (А. Кратцер, Б. Парти и др.) или теория ментального лексикона (Дж. Пустеевски).

¹³ Рекомендуем, по крайней мере, чтобы русский читатель усовершенствовал свои знания определенных моделей формального синтаксиса, его категорий и явлений – и особенно теории “принципов и параметров” [Chomsky 1981; Chomsky, Lasnik 1993] – на основе новейших пособий по порождающей грамматике, указанных выше.

и решает) самые существенные и нетривиальные вопросы современной синтаксической теории. Отдельные критические замечания рецензента направлены в основном на то, чтобы дать некоторые конструктивные и, надеемся, полезные дополнения по ряду важных проблем, но они ни в коем случае не снижают нашей высокой оценки блестящего и фундаментального учебного пособия Я.Г. Тестельца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гладкий 1985 – А.В. Гладкий. Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. М., 1985.
- Błaszczak 2001 – J. Błaszczak. Investigation into interaction between the indefinites and negation. Berlin, 2001.
- Bošković 1997 – Ž. Bošković. The syntax of nonfinite complementation. An economy approach. Cambridge (Mass.), 1997.
- Bresnan 1982 – J. Bresnan. Control and complementation // J. Bresnan (ed.). The mental representation of grammatical relations. Cambridge (Mass.), 1982.
- Bußmann 1990 – H. Bußmann. Lexikon der Sprachwissenschaft. 2-Aufl., völlig neu bearbeitete. Stuttgart, 1990.
- Chomsky 1964 – N. Chomsky. The logical basis of linguistic theory // H.G. Lunt (ed.) Proceedings of the ninth international congress of linguists. August 27–31. 1962. Cambridge (Mass.), 1964.
- Chomsky 1965 – N. Chomsky. Aspects of the theory of syntax. Cambridge (Mass.), 1965.
- Chomsky 1981 – N. Chomsky. Lectures on government and binding. Dordrecht, 1981.
- Chomsky 1982 – N. Chomsky. Some concepts and consequences of the theory of government and binding. Cambridge (Mass.), 1982.
- Chomsky 1986a – N. Chomsky. Knowledge of language. Its nature, origin, and use. New York, 1986.
- Chomsky 1986b – N. Chomsky. Barriers. Cambridge (Mass.), 1986.
- Chomsky 1991 – N. Chomsky. Some notes on economy of derivation and representation // Principles and parameters in comparative grammar / R. Freidin (ed.). Cambridge (Mass.), 1991.
- Chomsky 1993 – N. Chomsky. A minimalist program for linguistic theory // The view from building 20: Essays in linguistics in honor for S. Bromberger / K. Hale, S.J. Keyser (eds.). Cambridge (Mass.), 1993.
- Chomsky 1994 – N. Chomsky. Bare phrase structure // MIT occasional papers in linguistics 5. Cambridge (Mass.), 1994.
- Chomsky 1995 – N. Chomsky. The minimalist program. Cambridge (Mass.), 1995.
- Chomsky 1999 – N. Chomsky. Derivation by phase // MIT occasional papers in linguistics 18. Cambridge (Mass.), 1995.
- Chomsky 2001 – N. Chomsky. Beyond explanatory adequacy // MIT occasional papers in linguistics 20. Cambridge (Mass.), 2001.
- Chomsky, Lasnik 1993 – N. Chomsky, H. Lasnik. The theory of principles and parameters // Syntax. An international handbook of contemporary research / J. Jacobs, A. von Stechow, W. Sternefeld, Th. Vennemann (eds.). Berlin, 1993.
- Di Sciullo (ed.) 1996 – Configurations. Essays on structure and interpretation // Ed. by A.-M. Di Sciullo. Somerville, 1996.
- Diesing 1996 – M. Diesing. Indefinites. Cambridge (Mass.), 1996.
- Haegemann (ed.) 1997 – Elements of grammar. Handbook of generative syntax / Ed. by L. Haegemann. Dordrecht; Boston, 1997.
- Gazdar et al. 1985 – Generalized phrase structure grammar. Cambridge (Mass.), 1985.
- Gazdar, Pullum 1981 – G. Gazdar, G.K. Pullum. Subcategorization, constituent order and the notion "head" // M. Moorgat, H.D. van Hulst, T. Hoekstra (eds.). The scope of lexical rules. Dordrecht, 1981.
- Gazdar, Pullum 1982 – G. Gazdar, G.K. Pullum. Auxiliaries and related phenomena in a restrictive theory of grammar // Language. V. 58. 1982.
- Gladrow, Kosta 1999 – W. Gladrow, P. Kosta. Syntax und Syntaxkonzeptionen // Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen / Hrsg. von H. Jachnow, S. Dönninghaus, K. Niehörster, K. Tafel, M. Wingender. Wiesbaden, 1999.
- Golden 2000 – M. Golden. Teorija opisnega jezikoslovja. Ljubljana, 2000.
- Guiraud-Weber 2003 – RLing. 2003. V. 27. № 3. – Ред.: Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Jackendoff 1977 – R. Jackendoff. X syntax: A study of phrase structure. Cambridge (Mass.), 1977.
- Kaplan, Maxwell 1988 – R. Kaplan, J.T. Maxwell. Constituent coordination in lexical-functional grammar // COLING 88. V. 1. Budapest, 1988.
- Karlík et al. 2002 – P. Karlík a koll. Encyklopedický slovník češtiny. Praha, 2002.
- Kayne 1994 – R.S. Kayne. The antisymmetry of syntax. Cambridge (Mass.), 1994.
- Kitahara 1997 – H. Kitahara. Elementary operations and optimal derivations. Cambridge (Mass.), 1997.

- Kosta 1992 – *P. Kosta*. UG als System mentaler Repräsentationen: Die Nativismus-Empirismus-Hypothese und Platons Problem // *P. Kosta*. Leere Kategorien in den nordslavischen Sprachen. Zur Analyse leerer Subjekte und Objekte in der Rektions-Bindungs-Theorie. Frankfurt-am-Main, 1992.
- Kosta 1997a – *P. Kosta*. Empty categories, null-subjects and null-objects and how to treat them in the minimalist program // *Linguistics* // Potsdam. 2 / 3. (1995 / 1996). Potsdam, 1997.
- Kosta 1997b – *P. Kosta*. Syntaktische Prinzipien und Informationsstruktur in sogenannten “nichtkonfigurationellen” Sprachen // *P. Kosta*, *E. Mann* (eds.). *Slavistische Linguistik* 1996. Referate des XXII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Potsdam, 17–20.09.1996. München, 1997.
- Kosta 2004 – *P. Kosta*. Unaccusativity and unergativity in Czech, Polish and further Slavic languages at the morpho – syntactic – interface // *Formal description of Slavic languages (FDSL V)*: 5. Europäische Konferenz zur formalen Beschreibung slavischer Sprachen. Universität Leipzig, 16–28.11.2003. Frankfurt-am-Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford, 2004. (в печати).
- Kosta, Frasek 2004 (в печати) – *P. Kosta*, *J. Frasek*. Neakuzativita a neergativita v češtině, polštině a jiných slovanských jazycích na rozhraní syntaxe a morfologie // *Z. Hladká*, *P. Karlík* (eds.). *Čeština – Univerzália a specifika V*. Mezinárodní bohemistická konference. Brno, 12–14 listopadu. 2003. Praha, 2004 (в печати).
- Kosta, Veselovská 2002 – *P. Kosta*, *L. Veselovská*. *Encyklopedický slovník češtiny*. Praha, 2002.
- Müller, Rohrbacher 1989 – *G. Müller*, *B. Rohrbacher*. Eine Geschichte ohne Subjekt // *Linguistische Berichte*. Bd. 119. 1989.
- Pesetsky 1981/1982 – *D. Pesetsky*. Complementizer-trace phenomena and the nominative Island condition // *The linguistic review*. V. 1 (1981/1982).
- Pollard, Sag 1988 – *C. Pollard*, *J.A. Sag*. *An information-based syntax and semantics*. V. 1: Fundamentals. Stanford, 1988.
- Prince, Smolensky 1993 – *A. Prince*, *P. Smolensky*. *Optimality theory* // Rutgers University Center for cognitive science. Technical report. V. 2. 1993.
- Rizzi 1986 – *L. Rizzi*. Null Objects in Italian and the theory of pro // *Linguistic inquiry*. V. 17. 1986.
- Růžička 1986 – *R. Růžička*. Функционирование и классификация пустых категорий в русском литературном языке // *ZSL*. V. 31. 1986.
- Růžička 1987 – *R. Růžička*. Leere Kategorien des Russischen zwischen Lexikon und Syntax // *G. Freidhof*, *P. Kosta* (eds.). *Slavistische Linguistik* 1986. Referate des XII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Frankfurt-am-Main, 16–19.09.1986 (1987).
- Sgall, Panevová, Hajičová 1986 – *P. Sgall*, *J. Panevová*, *E. Hajičová*. The meaning of the sentence in its semantic and pragmatic aspects. Prague; Dordrecht, 1986.
- Tesnière 1959 – *L. Tesnière*. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959.
- Williams 1994 – *E. Williams*. *Thematic structure in syntax*. Cambridge (Mass.), 1994.
- Zubizarreta 1998 – *M.L. Zubizarreta*. *Prosody, focus, and word order*. Cambridge (Mass.), 1998.